

Летняя гроза

ПРЕДИСЛОВИЕ

Некий критик — как ни жаль, они есть на свете — сказал про мой последний роман: «Все старые вудхаусовские персонажи под новыми именами». Надеюсь, его съели медведи, как детей, посмеявшихся над Елисеем* ; но если он жив, он так не скажет о «Летней грозе». Я, с моим умом, перехитрил его, наовав в роман старых персонажей под старыми именами. Глупо же он себя почувствует!

Перед вами, если можно так выразиться, все те же мои марионетки. Хьюго Кармоди и Ронни Фиша вы встречали в романе «Даровые деньги», Пилбема — в «Билле Завоевателе». Остальные же — лорд Эмсворт, секретарь Бакстер, дворецкий Бидж — участвовали в книгах «Что-нибудь этакое» и «Положитесь на Псмита». Императрица, славная свишня, и та является не в первый раз — дебют ее был в рассказе «Сви-и-и-ни-оу-оу!..», который выйдет в особом томе вместе с другими рассказами о Блэндингском замке; но о них я говорить не буду, они слишком хороши.

* Библия. Четвертая книга Царств, 2:24. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Дело в том, что с этим замком я расстаться не могу. Он меня околдовал. Я заезжаю в Шропшир, чтобы услышать последние новости. Надеюсь, что читателю это тоже интересно. Часть из них я назвал «Летняя гроза».

Немного об этом заглавии. Говорят, что Теккерей, выдумав ночью слова «Ярмарка тщеславия»*, вскочил и семь раз обежал комнату, громко крича. Как ни странно, это было и со мной. Я сразу понял, что название идеальное. Восторг мой снизила только весть о том, что два таких романа есть в Англии, три — в Америке. Мой уже вышел, менять поздно. Что ж, понадеюсь, что эта книга войдет в первую сотню романов под таким названием.

* Теккерей взял эти слова из прославленной аллегии Джона Беньяна (1628—1688) «Путь паломника». Точнее было бы переводить их «Горжище суеты» (в старом русском переводе роман Теккерей назывался «Базар житейской суеты»).

Глава I

ВЕТЕРОК БЕДЫ

1

Бландингский замок дремал в солнечном свете. Струйки нагретого воздуха играли на мягких газонах и величавых террасах. Насекомые жужжали. Стоял тот благословенный час летнего дня, между ленчем и чаем, когда мир расстегивает жилетку и кладет ноги на стол.

В тени лаврового куста, сзади от замка, сидел Бидж, дворецкий, служивший Кларенсу, девятому графу Эмсворту. Он пил вино из высокого бокала и читал еженедельную газету. Внимание его привлекла фотография в овальной рамке. Не меньше минуты он изучал каждую ее подробность. Потом, смачно крикнув, вынул перочинный ножик, вырезал ее и осторожно положил в карман.

Именно тогда лавровый куст, все время молчавший, сказал: «Эй!»

Бидж дернулся. Его солидное тело свела судорога.

— Бидж! — не отставал куст.

Что-то выглянуло из него, быть может — дриада, но дворецкий решил иначе и оказался прав. То был секретарь его хозяина, Хьюго Кармоди. Бидж с упреком на него поглядел. Сердце еще колотилось, язык он едва не прокусил.

— Испугались?

— Чрезвычайно, сэ.

— Простите! А вообще очищает печень. Хотелось бы вам заработать фунт?

Дворецкий смягчился:

— Да, сэ.

— Передадите записку мисс Миллисент?

— Конечно, сэ.

— Вот и передайте. Без свидетелей. Главное — слушайте внимательно! — без леди Констанс Кибл.

— Приложу все усилия, сэ.

Он улыбнулся отеческой улыбкой. Хьюго улыбнулся в ответ. Воцарилось редкостное единение. Они понимали друг друга. Бидж понимал, что он не должен передавать записок хозяйской племяннице; Хьюго понимал, что он не должен обременять совесть хорошего человека.

— Наверное, вы не знаете, сэ, — сказал дворецкий, положив в карман плату за грех, — что леди Констанс уехала в Лондон поездом три тридцать?

Хьюго издал горестный крик.

— Значит, я зря играл в индейцев? — сказал он, отряхиваясь. — Ах, если б я знал! Испортил хороший костюм, и еще неизвестно, не ползает ли у меня кто-то по спине. Однако осторожность никому не мешала.

— Золотые слова, сэ.

На радостях Хьюго разговорился:

— Какая погода, Бидж!

— Великолепная, сэ.

— Странная штука жизнь, вы не замечали? Вот я здесь, все мне нравится. А когда я услышал, что надо сюда ехать, я стонал от горя.

— Неужели, сэр?

— Да. Стонал. Если бы вы знали, вы бы поняли почему.

Бидж все знал. Он вообще все знал про замок и его обитателей. Он знал, что Хьюго Кармоди еще недавно держал вместе с Роналдом Фишем ночной клуб в центре Лондона, на Бонд-стрит; но, несмотря на такое удачное местонахождение, они ухитрились прогореть. Знал он и то, что Роналд Фиш поехал с матерью, леди Джулией, отдохнуть в Биаррице, а Хьюго он прислал в замок, к своему дяде, лорду Эмсворту.

— Не хотелось уезжать из Лондона, сэр?

— Вот именно. Но теперь, верьте или нет, он мне даром не нужен. Конечно, вечер на Пиккадилли я бы провел, но жить? Ни за что. Только в замке.

— Понимаю, сэр.

— Истинный рай, а?

— Если хотите, сэр.

— А тут еще Ронни приедет...

— Ожидают мистера Роналда, сэр?

— Завтра или послезавтра. Сегодня получил письмо. Да, кстати. Он шлет вам привет и советует ставить на Костяшку.

Дворецкий поджал губы.

— Не уверен, сэр.

— Да, лошадь — не из лучших. Плюньте.

— Но мистер Роналд большой знаток. Много лет я следую его советам и выигрываю, сэр, выигрываю.

Еще в Итоне, помню, он давал прекрасную информацию.

— Ну, как хотите. А что вы вырезали?

— Фотографию мистера Галахада, сэр. У меня есть альбом для всяких сообщений о нашем семействе.

— Туда бы еще заметку о том, как леди Констанс упала из окна...

Чувство приличия помешало Биджу ответить, но он вздохнул.

— Не хотели бы вы взглянуть, сэр? — предложил он. — Речь идет о трудах мистера Галахада.

Обычно фотографии в этой газете являли знатных дам, которые старались походить на певичек, и певичек, которые старались походить на знатных дам. Но здесь был хрупкий джентльмен лет пятидесяти, а под ним, крупным шрифтом, слово «ГАЛЛИ».

Потом шел шрифт помельче:

«Птичка сказала нам, что Галахад Трипвуд, младший брат лорда Эмсворта, находится в родовом гнезде, Бландингском замке, где пишет свои воспоминания. Старожилы не сомневаются, что они не холоднее нынешней погоды, а то и жарче».

— Да, — заметил Хьюго, — он уж напишет! Немало повидал в дни Эдуарда Исповедника*.

— Мистер Галахад провел бурную молодость, — с феодальной гордостью согласился Бидж. —

* Святой Эдуард Исповедник (ок. 1000—1066) — король англосаксов.

Слуги полагают, что он придает блеск нашему замку.

— А вам не приходило в голову, что будет большой скандал?

— Приходило, сэр.

— Что ж, коплю деньги на покупку. Да, я хотел вас спросить: кто такой Бакстер?

— Мистер Бакстер, сэр? Бывший секретарь его светлости.

— Так я и думал. Леди Констанс сказала мне сегодня утром: «Вижу, у вас много свободного времени. У мистера Бакстера его не было. Мистер Бакстер трудился. Но мистер Бакстер, — тут она многозначительно сверкнула глазами — любил свое дело. Какой человек!» Мне это не понравилось. Если он такой хороший, почему его отпустили?

Бидж осторожно огляделся.

— Его выгнали, сэр.

— Крал ложки? Вот они, люди долга!

— Я не знаю подробностей, сэр. Что-то такое с цветами в кадках.

— Крал кадки?

— Швырял в его светлость.

Хьюго не любил несправедливости.

— Чем же он лучше меня? — сказал он. — Хорошо, я ленюсь, забываю писать письма, в хорошую погоду, бывает, сложив руки, полежу. Но я ни в кого не бросаю кадок! Что ж, долг зовет. Утром — ездил верхом, после еды — прилег, времени мало. Записку не забудете?

— Нет, сэр.

Хьюго немного подумал.

— Вообще-то лучше отдайте ее мне. Поменьше документов! Просто скажите мисс Миллисент: «В шесть в розовом саду».

— В розовом саду...

— В шесть.

— Хорошо, сэ. Передам.

2

Целых два часа после этого в Бландинге не случилось ничего. Потом сквозь тишину прозвучал звон — это звонили часы на конюшне. В то же самое время из дома вышло шествие и по омытой солнцем траве отправилось к большому кедру, к его целебной тени. Во главе шел Джеймс, лакей, с полным подносом, за ним — Томас, лакей, со складным столом, а уж за ним — Бидж, который не нес ничего, но придавал всему этому тон.

Инстинкт, предупреждающий англичан, что чай готов, немедленно приступил к своему безопасному делу. Не успел Томас опустить на землю складной стол, как появился немолодой человек в старом костюме и такой шляпе, которой лучше бы стыдиться, — Кларенс, девятый граф Эмсворт. Был он высок, тощ, сутуловат, а в данный момент — еще и запачкан, потому что долго стоял у обиталища свиньи. Приготовления к чаю он оглядел благосклонно, хотя и рассеянно.

— Чай?

— Да, милорд.

— О! А... Чай... Чай? Да, да, да, да. Это чай. Превосходно.

Открытие свое он поведал племяннице, которая, по зову того же инстинкта, появилась рядом.

— Миллисент, чай!

— Да.

— Чай, — повторил для ясности лорд Эмсворт.

Миллисент присела к столу и стала колдовать над чайником. Она была высока и белокура, с нежно-голубыми глазами и на удивление одухотворенным лицом. Все в ней светилось невинностью, даже эксперт не сказал бы, что она получила тайную весть от подкупленного слуги и ровно в шесть встретится в розовых кустах с неимущим возлюбленным.

— Как там Императрица, дядя Кларенс?

— А? Прекрасно, прекрасно, прекрасно. Я провел с ней весь день, дорогая.

Кроткий взор лорда Эмсворта просто сиял. Так бывало всегда, когда говорили о его свинье. Девятому графу было не много нужно. Он не мечтал вершить судьбу страны, метать молнии в палате лордов, побуждая епископов и пэров восторженно размахивать шляпами. Потребность в славе он связывал только с Императрицей, надеясь, что она и во второй раз получит премию по классу жирных свиной.

Немного раньше, этим же летом, все зашаталось, беда нависла над ними. Сосед девятого графа, сэр Грегори Парслоу-Парслоу, подло увел даровитейшего свинаря, посулив ему лишние деньги. Поначалу лорд Эмсворт опасался, что Императрица затоскует, — но нет, она привязалась к Пербрайту